

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ИНДЕЙСКИХ СООБЩЕСТВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПОБЕРЕЖЬЯ (СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКАЯ ДИСКУССИЯ И ЕЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Игорь Валерьевич Кузнецов

Институт языкознания РАН

1 Большой Кисловский пер., Москва, Россия

i.kuznetsov@iling-ran.ru

Аннотация: Статья посвящена дискуссии ученых США и СССР об общественном устройстве индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки. В классических учебниках «первобытной истории» индейцы этого региона: тлинкиты, хайда, цимшиан и кваквашавак (квакиутль) — упоминаются как примеры высокой степени социальной дифференциации на основе присваивающего хозяйства (рыболовства и морских промыслов) и даже предгосударственного устройства. Предлагавшиеся концепции в разной степени определялись внешними факторами: личными политическими взглядами, резонансными событиями или государственным давлением. В 1897 г. Франц Боас признал экзотическую для европейцев церемонию потлача — демонстративного обмена дарами и уничтожения излишков — аналогом кредитной операции. Этот тезис, не обоснованный эмпирически, заимствован из общественной кампании за легализацию потлача. В 1930-е гг. советская стажерка Боаса Ю.П. Аверкиева трактовала выборочные материалы своего наставника в свете марксистской классовой теории, сместив акцент с потлача на рабство: индейцы Северо-Запада будто бы начинали переход к рабовладельческому строю из бесклассового, в котором потлач был инструментом сохранения имущественного равенства. Трактовка Аверкиевой стала каноном в СССР, но имела влияние и за пределами социалистического лагеря. В США доминировали культурно-релятивистские интерпретации, местные эволюционистские марксистские модели были маргинальными и не восходили к советской. Однако после распада СССР и они стали частью научного мейнстрима, подвергаясь критике уже не только справа, но и слева — с анархических позиций.

Ключевые слова: индейцы Северной Америки, потлач, рабство, марксизм.

Для ссылок: Кузнецов И. Об эволюции индейских сообществ Северо-Западного побережья (советско-американская дискуссия и ее продолжение) // Антропологический форум. 2021. № 51. С. 141–172.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-51-141-172

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/051/kuznetsov.pdf>

ON THE EVOLUTION OF THE NORTHWEST COAST INDIAN COMMUNITIES (A SOVIET-AMERICAN DISCUSSION AND ITS SEQUEL)

Igor V. Kuznetsov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russia

i.kuznetsov@iling-ran.ru

Abstract: The article is devoted to the discussion among Soviet and U.S. scholars about the social organization of the Indians of the Northwest Coast of North America. In the classic textbooks on “primitive history”, the Indians of this region—the Tlingit, Haida, Tsimshian and Kwakwaka’wakw (Kwakiutl)—are mentioned as examples of a high degree of social differentiation based on a (fishing and maritime) foraging economy and even as instances of pre-state structures. The proposed concepts were, to varying degrees, determined by external factors: personal political views, high-profile events, or government pressure. In 1897, Franz Boas recognized the potlatch ceremony—demonstrative exchanges of gifts and destructions of surplus, a practice exotic to Europeans—as an analogue of a credit operation. This interpretation, not empirically substantiated, originated from a public campaign to legalize potlatch. In the 1930s, Julia Averkieva, a Soviet intern of Boas, interpreted some fragments of her mentor’s teaching through the Marxist class theory framework, shifting the emphasis from potlatch to slavery: the Northwest Indians allegedly began the transition to slavery from a classless system in which the potlatch was an instrument for preserving property equality. Averkieva’s interpretation became canonical in the USSR, whilst also finding some reception outside the socialist camp. In the United States, relativistic cultural interpretations dominated; domestic evolutionary Marxist models were marginal and were not rooted in the Soviet tradition. However, after the collapse of the USSR, they also became part of the research mainstream, being criticized not only from the right, but also from the left—from anarchist viewpoints.

Keywords: North American Indians, potlatch, slavery, Marxism.

To cite: Kuznetsov I., ‘Ob evolyutsii indeyskikh soobshchestv Severo-Zapadnogo poberezhya (sovetsko-amerikanskaya diskussiya i ee prodolzhenie)’ [On the Evolution of the Northwest Coast Indian Communities (A Soviet-American Discussion and Its Sequel)], *Antropologicheskij forum*, 2021, no. 51, pp. 141–172.

doi: 10.31250/1815-8870-2021-17-51-141-172

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/051/kuznetsov.pdf>

Игорь Кузнецов

Об эволюции индейских сообществ Северо-Западного побережья (советско-американская дискуссия и ее продолжение)

Статья посвящена дискуссии ученых США и СССР об общественном устройстве индейцев Северо-Западного побережья Северной Америки. В классических учебниках «первобытной истории» индейцы этого региона: тлинкиты, хайда, цимшиан и кваквачавакв (квакиутль) — упоминаются как примеры высокой степени социальной дифференциации на основе присваивающего хозяйства (рыболовства и морских промыслов) и даже предгосударственного устройства. Предлагавшиеся концепции в разной степени определялись внешними факторами: личными политическими взглядами, резонансными событиями или государственным давлением. В 1897 г. Франц Боас признал экзотическую для европейцев церемонию потлача — демонстративного обмена дарами и уничтожения излишков — аналогом кредитной операции. Этот тезис, не обоснованный эмпирически, заимствован из общественной кампании за легализацию потлача. В 1930-е гг. советская стажерка Боаса Ю.П. Аверкиева трактовала выборочные материалы своего наставника в свете марксистской классовой теории, сместив акцент с потлача на рабство: индейцы Северо-Запада будто бы начинали переход к рабовладельческому строю из бесклассового, в котором потлач был инструментом сохранения имущественного равенства. Трактовка Аверкиевой стала каноном в СССР, но имела влияние и за пределами социалистического лагеря. В США доминировали культурно-релятивистские интерпретации, местные эволюционистские марксистские модели были маргинальными и не восходили к советской. Однако после распада СССР и они стали частью научного мейнстрима, подвергаясь критике уже не только справа, но и слева — с анархических позиций.

Ключевые слова: индейцы Северной Америки, потлач, рабство, марксизм.

Боас: вхождение в политэкономия

Индейцы Северо-Западного побережья попали в фокус теории социальной эволюции не совсем привычным для академической науки способом. Сперва внимание привлек потлач (термин позаимствован из торгового жаргона чинук и самими практикующими долгое время не использовался). Миссионеров раздражало то, что их подопечные, вполне соответствующие нормам протестантской этики в своей повседневной жизни, во время особых церемоний предавались безудержному расточительству, спуская, на первый взгляд бессмысленно, все имущество, нажитое таким трудом. Кроме того, кваквачавакв подозревались еще и в ритуальном каннибализме.

В ответ на законодательный запрет «индейского праздника, известного как “потлач”» канадскими властями, предписывающий тюремное заключение на 2–6 месяцев с конфискацией имущества каждому нарушителю

Игорь Валерьевич Кузнецов
Институт языкознания РАН,
Москва, Россия
i.kuznetsov@iling-ran.ru

(1884 г., подтвержден в 1915 г.) [LaViolette 1961: 43], Макинна — прославленный вождь мовачат (одной из локальных групп нуу-ча-нулт), сыгравший в колониальной истории региона примерно такую же роль, как делавар Таммани в Пенсильвании, опубликовал свое послание в провинциальной газете “Daily Colonist”. В нем он, кажется первым (1896), сравнил дарообмены индейских церемоний с развитием банковских операций и кредитования у белых. Уже на следующий год в ванкуверской “Daily Province” вышло пространное открытое письмо Боаса на ту же тему и примерно с такой же аргументацией, объясняющей потлач в качестве своеобразной индейской банковской системы [Ibid.: 74–75].

Текст своего письма, слово в слово, антрополог положил в основу академической статьи в итоговом отчете для BAAS [Boas 1899]. Ее заключительные страницы начинались словами “Finally, it may be well to add a brief explanation of the economic system prevailing among these Indians” («Наконец было бы хорошо добавить краткое объяснение экономической системы, преобладающей среди этих индейцев») [Stocking 1989: 105]. Статья содержала подведение результатов шестилетней работы ученого в области изучения языков, физической антропологии, мифологии, социальной организации, искусства Северо-Западного побережья. Но если об остальных сюжетах им хотя бы вскользь говорилось в предыдущих годовых отчетах, то тема потлача всплыла только здесь и, очевидно, на злобу дня.

Борьба за отмену запрета на проведение потлачей (отменен лишь в 1951 г.) на этом не закончилась, и даже главный информант Боаса из селения квакквававакв Форт-Руперт Джордж Хант угодил за решетку (1900) после того, как пытался наблюдать за церемонией хаматса («каннибалов»). К кампании подключились и другие антропологи. В 1914 г. нуу-ча-нулт попросили находившегося с ними в контакте Эдуарда Сэпира, который работал в то время в Оттаве, передать властям их петицию, требующую отмены закона против потлача. На следующий год Сэпир отправил помощнику суперинтендант-генерала по делам индейцев г-ну Скотту письмо, в которое включил длинную цитату из боасовской статьи [LaViolette 1961: 81]. Всплеск внимания к индейцам Северо-Западного побережья подытожил Пол Радин, назвавший их «капиталистами Севера» [Radin 1944: 318–327].

Таким образом, эта концепция первоначально не имела надежного эмпирического источника вопреки строгим требованиям антропологического метода. Во всяком случае, корни боасовской интерпретации богаче, чем просто собранный им полевой материал, и, кроме того, явно подвержены влиянию текущей

политической обстановки. Трудно сказать, явился ли документ Макинны прямым импульсом для рассуждений Боаса, но точно, что последние широко использовались самими практикующими потлач в свою защиту и были растиражированы в последующих научных публикациях.

Круги от боасовского «открытия» разошлись широко, повлияв на концепцию демонстративного потребления Торстейна Веблена и на теорию дара Марселя Мосса, благодаря которым утвердилось преимущественно экономическое прочтение потлача. С подачи последнего, напрямую опиравшегося на соответствующие работы Боаса, за индейцами Северо-Западного побережья закрепился образ общества с развитым понятием кредита (рассрочки), но не вовлеченного еще в рыночный обмен [Мосс 2011: 194 и след.]. Последнюю коррекцию на этом пути осуществил, кажется, Маршалл Салинс, включавший регион, наряду с Китаем и Гавайями, в один транстихоокеанский сектор в своей «космологии капитализма». По его мнению, специфика квакиутль в сравнении, скажем, с гавайцами заключалась лишь в том, что сила новой рыночной экономики, понимаемой как космическая, шла у них не на личное потребление, усиливая неравенство, а на расширение и укрепления взаимоотношений с другими людьми через демонстративную раздачу товаров [Sahlins 1994: 435].

Этноисторическая интерпретация

Между тем более надежные и детализированные описания *in situ* как потлача, так и других социальных институтов и элементов культуры были добыты в ходе скрупулезной полевой работы учеников Боаса и их собственных учеников вкупе с их сверстниками, необязательно разделявшими одни и те же методологии и подходы. Всех их роднило исключительное внимание к общему социокультурному контексту. Так, Дж. Суантон считал вслед за Боасом, что ключ к пониманию чужой культуры содержится в ее языке и выражен в текстах. За год исследований у хайда и четыре месяца у тлинкитов ему удалось собрать полторы тысячи страниц записей на этих языках. Он начал с составления их научных грамматик. Для фиксации звука использовался графограф с восковыми валиками — новейший на тот момент гаджет. Как и Боас, Суантон опирался в работе на немногих платных информантов. Практически ежедневно с восьми утра до пяти вечера с кем-то из них непрерывно продолжались беседы в номере гостиницы «Баранофф» городка Ситка (бывший Ново-Архангельск), где остановились антрополог и его жена Элис Барнард, дневник которой переполнен записями в таком духе: «Джон и его человек работали здесь,

в комнате», «Джон весь день за работой», «Джон вернулся домой без четверти пять» и т.п. [Jones 2017: 131].

После таких героических исследователей стало обычным видеть в потлаче не просто обмен дарами, но и способ сделать социальный статус публичным, плотно завязанный на религиозной традиции. По мере распространения этноисторических исследований многое уточнили и стали принимать в расчет разрушительное, трансформирующее евро-американское влияние. Так, Хелен Кодер удалось проследить по записям индейского агентства и семейным историям, собранным еще Боасом, развитие потлача у кваккакьявакв с 1792 по 1930 г. [Codere 1950]. Резкая депопуляция, сселение их в Форт-Руперт, с одной стороны, а с другой — разрастание индейской экономики, привели во второй половине XIX в. к гипертрофированному масштабированию потлача, выразившемуся как в увеличившейся частотности, так и в росте числа циркулировавших товаров и приглашенных гостей. Интересно, что этот всплеск пришелся как раз на годы запрета [Drucker, Heizer 1967]. В 1930-е гг. экономика кваккакьявакв уже была тесно связана с мировым рынком, подвергаясь всем его колебаниям. Великая депрессия отразилась на потлаче, который вернулся к своим исходным более скромным размерам [Holm 1977]. Исчезли многие его разновидности и, по крайней мере у тлинкитов, хайда, береговых цимшиан и гитксан, функции церемонии ужались до одной только поминальной. Как писала Маргарет Блэкман, «центральный для культуры, основной ритуал мы скорее можем увидеть в погребальном потлаче [mortuary potlatch]; его корни прочно вошли в культуру северной части Северо-Западного побережья» [Blackman 1977: 52]. Тем самым был внесен решающий аргумент в дискуссию о глубинной связи всего комплекса с культом мертвых.

Но время от времени возвращались и альтернативные объяснения, начиная с Рут Бенедикт [Benedict 1935: 125–160], которой, несмотря на шквал критики, надо отдать должное в стремлении передать психологическую атмосферу в сообществах, испытавших шок, сравнимый с поствоенным синдромом. Она обратила внимание, в частности, на проявление необузданной мегаломании у кваккакьявакв на так называемых потлачах соперничества. Потлач пробовали объяснить в рамках культурной экологии [Suttles 1960; Piddocke 1965] — как инструмент преодоления неравенства при использовании природных ресурсов соседними племенами и родственными группами — или же с функционалистской позиции [Tollefson 1995], снова фокусируясь на экономике и политике и доказывая, что это площадка, гарантирующая безопасность для инвестиций, в конечном итоге будто бы возвращающихся, что никогда не соответствовало

действительности. По большей части критически была встречена и навеянная работами К. Леви-Строса в области брачных правил попытка структуралистского объяснения [Rosman, Rubel 1971].

В постмодернистские десятилетия этот спектр расширился за счет идеологически важных тем. Кристофер Брэкен, например, показал, что в XIX в. потлач представлял собой конструкт в обе стороны, участвуя не только в переходе коренного населения к рыночным отношениям, но и в формировании колониальной, не совсем капиталистической экономики канадской периферии. Причина запретительных мер со стороны правительства коренилась в неспособности метафизики европейцев ужиться с кардинально иным мировоззрением без того, чтобы не подчинять его себе или не дегуманизировать с помощью правовых рамок [Bracken 1997]. Потлач превращен в метафору в относительно недавней остроумной работе Исаяи Вилнера [Wilner 2013], рассматривающего влияние квакквававакв на научное мировоззрение Боаса. В ней диалог между коренными американцами и Западом уподоблен потлачу, а индейцы — дарителям. Для западной цивилизации еще не наступило время отдарка!

Постепенно в мейнстриме также произошел сдвиг в сторону более комплексного взгляда на проблему с упором на символические аспекты. В этом тренде можно разглядеть раннее влияние Мосса, исходящее, однако, из другой его идеи — рассматривать потлач в качестве примера «тотального социального явления», имеющего отношение не только к экономике, но и одновременно еще к мифологии, ритуалу и т.д. К примеру, Салли Снайдер [Snyder 1975] обратила внимание на символику пищи в дарообменах скэджит — одной из групп береговых сэлишей. Идею чистого и нечистого (оскверненного) проанализировал на соответствующих практиках квакквававакв Ирвинг Голдман [Goldman 1975], связь с космологией у них же — Стэнли Уоленс [Walens 1981]. Сходным образом построены исследования обрядности у цимшиан Маргарет Сигин [Seguin 1985]. Точно так же объясняет потлач в русле символической антропологии Сергей Кан [Кан 1986: 194] — ученый российского происхождения, который в 1979–1980 и 1984 гг. вел полевую работу среди тлинкитов.

В одной из тематически близких работ последних двух десятилетий продемонстрировано, как в ритуале тлинкитов, ресурсом для которого служит экономика жизнеобеспечения, динамически задействованы социальная организация, язык и символизм. Цель — на всех глубинных уровнях (социальном, когнитивном и материальном) восстановить связь человека и полагающего-ся ему места. В этом смысле автор, Томас Торнтон, перефрази-

зируя московскую фразу, предлагает видеть в потлаче «явление тотального местоположения» (total emplacement phenomenon). Он же отмечает даже некоторый подъем в церемониальной активности: у современных тлинкитов на осенне-зимний период снова приходится десятки поминальных раздач с тысячами участников и общим объемом розданного в сотни тысяч долларов [Thornton 2008: 187–188]. Ныне такой подход, по-прежнему опирающийся на эмпирические исследования, что остается нормой для всякого западного американиста, существует параллельно с приемами деконструкции литературных текстов и дискурсов. Однако и в том, и в другом случае простая однозначная связь потлача с политэкономией перестала представляться столь очевидной, как во времена Боаса.

Аверкиева: поиски рабства

Многое говорит о том, что отец-основатель антропологии сам верил в аналогию с кредитно-банковской системой, сформулированную в годы борьбы за легитимацию потлача. Во всяком случае, советская стажерка Юлия Павловна Аверкиева, сопровождавшая Боаса в его последней поездке на остров Ванкувер, вспоминала, что он «много раз советовал индейцам списать свои долги», будто имел дело с людьми, поступающими в соответствии с логикой настоящих кредиторов и банкиров. В тот год в Форт-Руперте был даже специально устроен потлач по обсуждению ситуации с долгами, на который позвали исключительно мужчин, дабы женщины не слышали «тяжелых слов» [Аверкиева 1961: 121].

Но если политэкономия дарообмена у индейцев Северо-Западного побережья в настоящее время продолжает интересовать в основном лишь исследователей, в той или иной мере сочувствующих марксизму, то другая концепция, также повинная в распространении эволюционных схем при трактовке особенностей развития сообществ региона, видимо, не появилась бы вообще, если бы не соревнование двух общественно-политических систем. Речь идет о рабстве.

Мы уже писали, как молодая исследовательница из СССР осуществляла сбор полевого материала среди кваккакьявакв. В силу щекотливости обстоятельств она была вооружена сразу двумя встречными планами: начальство дома, в МАЭ (Н.М. Маторин), требовало от нее изучать разложение родового строя и классовую дифференциацию индейцев, а нью-йоркский супервайзер (Ф. Боас) — их танцы, шнуровые фигуры и беседовать с их женщинами [Кузнецов 2018a]. Безусловно, разноречивой в задачах вытекал из различий в научной повестке профессиональных сообществ обеих стран и двух непримиримых методологий —

совмарксизма, а по сути, однолинейной эволюции а-ля Л.Г. Морган, и культурного релятивизма, настроенного, напротив, антиэволюционно.

Вернувшись из-за океана весной 1931 г., Аверкиева поначалу продолжила работать над «кошачьими люльками» квакваква-вакв, но за ближайшие четыре года ей пришлось сменить три темы, от узкой, заземленной в поле, вполне еще боасовской, до широчайшей, под стать витающей в облаках марксистской социологии, равнодушной ко всяким нюансам. Последствия этих сдвигов коснутся всей советской этнографии. То, что Аверкиева дольше не могла оставаться вне постулатов официальной науки, стало ясно достаточно быстро, о чем она уже 25 октября ставила в известность Боаса (орфография оригинала сохранена).

Папа Франц, знаете ли Вы, что я решила изучать работы с марксовой вашей точки [Marxian point of your, очевидно Ю.П. имела в виду Marxist point of view, т.е. «с марксистской точки зрения». — И.К.], то есть с точки диалектического материализма. Первым, я думаю, будет материал квакиутль <...>. У меня к Вам вопрос, поскольку Вы писали, что общество квакиутль было резко разделено на три класса. <...> В тайных обществах люди делились согласно своему классовому принципу — на богатых и бедных. Инициации были связаны с распределением больших богатств. Так что иницируемые были из богатых семей. И только богатые люди принимали участие в церемониях. Те, кто не имел ни мест для рыбной ловли, ни садов для выкапывания корней, не могли получать большие богатства, так как они всегда были бедными. В результате всего этого зимние церемонии были характерны не для всего племени, а лишь для высшего класса, они были в интересах этого класса <...>. Пишу это Вам в качестве первых впечатлений, дальше еще не углублялась. Я сделаю это в ближайшем будущем. Вопрос о квакиутль очень сложен из-за сложности их социальной организации. Я пока не очень сильна в методе, с помощью которого буду работать <...>. Мой вопрос к Вам заключается в следующем: что Вы думаете о классовом значении тайных обществ? [JA/FB 25.10.1931]

Цитата, как может показаться, чересчур пространная, важна для нас, поскольку помогает вскрыть сразу несколько существенных обстоятельств. Во-первых, видно, что дискурс советской этнографии по поводу классового расслоения, наблюдавшегося якобы на аборигенном Северо-Западе в доколониальную эпоху, имеет боасовское происхождение, как и в случае с экономической теорией потлача. Во-вторых, уже здесь представлена одна частная идея — о том, что возникновение тайного общества должно быть как-то связано с утверждением

в первобытном коллективе новых отношений неравенства. Вернувшись к ней через тридцать лет, Аверкиева приравняет хаматса у кваквявакв к мужским союзам Океании, чтобы проиллюстрировать «догадку» С.А. Токарева о роли последних в переходе от матриархата к патриархату [Аверкиева 1961: 82–83]. Наконец, в-третьих, если охарактеризовать в целом эти «первые впечатления» Юлии Павловны, то получается, что она уже в 1931 г. выстроила себе схему поисков на будущее. Содержащиеся в цитате мысли встречаются почти во всех ее более поздних работах, лишь в несколько развернутом виде: тезис о раннеклассовом характере общественных отношений на Северо-Западном побережье и «классовое значение» тайных обществ, известных в ряде мест региона, особенно у кваквявакв.

Ответное письмо Боаса, недостающее звено в их диалоге, судя по всему, утеряно. Должно быть, антрополог выражал в нем скепсис относительно применимости к обсуждаемому случаю эволюционной типологии, основанной на допущениях в стиле теории пережитков. В начале марта следующего года русская ученица демонстрировала свою солидарность с его мнением и задавала очередные вопросы.

Вы спрашивали меня о моем экономическом исследовании квакиутль и особенно о патлаче [так, patlatch. — И.К.]. Я согласна с Вами, что современное экономическое состояние развилось сравнительно недавно. Но какова основная причина его [потлача. — И.К.] появления? Может быть, он возник в те времена, когда все делилось между всеми. Возможно ли, что это было так? Я не знаю, есть ли какие-нибудь указания на такие времена в культуре квакиутль. Что бы об этом мог сказать г-н Джордж Хант? [JA/FB 02.03.1932].

И вновь мы видим зерно идеи, которая будет занимать Аверкиеву дальше: будто бы потлач изначально служил средством уравнивания, доставшись от родового строя и поменяв свою сущность в фазу распада последнего, когда превратился в канал распространения грядущих классовых отношений. Эмпирических оснований для такого вывода у исследовательницы, вступающей в новую для себя область, не было, в чем она сама признавалась.

В майском письме Юлия Павловна жаловалась, что слишком мало отдавалась работе с материалами кваквявакв, хотя в ее годовом плане это направление продолжало значиться. Чтобы выполнить план, она готова была отказаться летом от поездки домой, в Карелию [JA/FB 04.05.1932]. Однако осенью план продлили, а тема приобрела следующее звучание — «Социальная организация квакиутль». Аспирантка снова обратилась

к помощи Боаса: «[Р]абота будет выполнена с каким-то результатом только в случае, если Вы сможете как-то помочь мне» [JA/FB 08.08.1932]. Но к февралю следующего, 1933, года тему в очередной раз поменяли, сузив до вопросов изучения рабства, о чем говорит ее следующее письмо в Нью-Йорк: «Сейчас читаю Ваши сказки квакиутль по теме “рабство среди квакиутль”. [И далее:] Изучала историю и рабство в античном мире для курса исторического материализма, очень интересная вещь. Профессор Богораз теперь руководит мною в изучении американской этнологии, но мы все еще не очень много сделали из-за Греции и Рима» [JA/FB 04.02.1933].

Из этого следует, что Аверкиевой назначили научного руководителя, которым стал В.Г. Богораз, в свое время выхлопотавший для нее американскую стажировку. Вместе они включились в работу над ее диссертацией, в библиографию которой вошли труды по эволюции рабства голландского народоведа Германа Иеремии Нибура и французского социолога Шарля Летурно [Аверкиева 1941: 99].

В соответствии с догмами официальной советской науки, изложенными в «Кратком курсе истории ВКП(б)», цитатой из которого закономерно открывалась диссертация [Аверкиева 1941: 5], человечество неизбежно проходило ряд общественно-экономических формаций. Одним из таких универсальных эволюционных этапов являлся рабовладельческий строй, знания о котором историки СССР черпали из греко-римской античности. Так рабству на Северо-Западном побережье был отыскан прототип, но не в обширных полевых данных, собранных к тому времени американцами, а в европейской классической истории.

Для доработки текста было отведено менее двух лет, чего, скорее всего, требовал все тот же аспирантский план. В завершающий академический год кроме марксистско-ленинской философии Аверкиева изучала немецкий и французский языки. В переписке, которую она продолжала вести с мэтром американской антропологии, снова мелькали вопросы о социальной организации квакиутль [JA/FB 09.10.1933, 24.03.1934]. Она чувствовала всю зыбкость имеющейся фактологической основы для того, чтобы сделать требуемые от нее грандиозные революционные выводы. В последний момент тема в очередной раз подверглась расширению.

Этой зимой я хочу представить диссертацию на кандидатскую степень. Тема, которую я выбрала — «Рабство среди племен Северо-Западного побережья». Что Вы об этом думаете? Трудность в том, что об этом не так много материала [JA/FB 05.10.1934].

Другим следствием стала ориентация автора преимущественно на письменные источники. Ее собственные экспедиционные материалы (149 страниц) были несопоставимы по масштабу с тем, что, например, получил от тлинкитов за те же четыре месяца Суантон. Кроме того, они собирались под другую программу и со сменой темы оказались малопригодны. В уже процитированном выше письме от 4 февраля 1933 г. Аверкиева в очередной раз спрашивала совета у Боаса.

Я искала имя Дэна в своем дневнике и нашла, что «мы остановились в Алерт-Бэй с Дэном Кранмером». То же имя написано на карточке Агнесс [Агнес Кранмер. — И.К.], которая у меня есть. Кстати, что, по Вашему мнению, мне делать с моим дневником? [JA/FB 04.02.1933].

Жесткие временные рамки не способствовали вдумчивой работе над полевым дневником, к тому же, по-видимому, небрежно составленным. В МАЭ хранятся негативы нескольких фотоснимков, сделанных Аверкиевой в Форт-Руперте, однако без каких-либо подписей и пояснений. На них — люди, с которыми она там работала, но их не просто идентифицировать. Похоже, что и в самом дневнике многие имена и названия были искажены. Так, в рассказе об эпической войне маамтагила (одного из нумаймов квакквавакв) с «южными племенами» наряду с цама (тсама) и нанаймо фигурируют <нонос>. Очевидно, это тоже береговые элиши, как первые и вторые, хотя из-за несовершенной фонетической передачи трудно догадаться, какая в точности локальная группа: возможно, *Spōpō'os*, т.е. жители залива *Nōnō'os*, либо *Cotox* — название, неверно услышанное, записанное, а затем и прочитанное. В том же тексте говорится, что враги проезжали остров <Хусан>, но *Qus'am* — не остров, а река (*Salmon River* [Boas 1889: 324]).

Наверное, все в совокупности перечисленные обстоятельства объясняют, почему Аверкиева не публиковала своих полевых записей, пока это было еще возможно. Этим вопросом задаются авторы подборки из ее цитат, призванной реконструировать «нечто вроде полевого дневника», впоследствии, как считается, уничтоженного. Не похоже, чтобы истинным мотивом исследовательницы было стремление скрыть факт незаконного перехода американо-канадской границы либо не оставлять «письменных свидетельств нарушения индейцами канадских законов», хотя такие объяснения выдвигаются в публикации. А как же все остальные антропологи, описывавшие потлач в те годы? Да и свое посещение Британской Колумбии Юлия Павловна ни тогда, ни потом не скрывала, скорее наоборот. Еще менее вероятно, что она опасалась, что читателям откроется истинное

положение дел у коренных американцев, далеких от вымирания, несмотря на все, что писалось о них в СССР [Аверкиева 2005: 303; Кузнецов 2018б, 3: 292–294].

Диссертантка успешно защитилась, но не зимой 1934, а в июле 1935 г. Затягивание сроков еще на семестр связано с цепью трагических событий: арестом директора учреждения, в котором она работала (Н.М. Маторина), и ее собственного (первого) мужа Петра Букина [Нитобург 2003: 406].

В процессе расширения (не по объему и глубине, а за счет раздвигания географических рамок) в диссертации оказались неблицы вроде утверждения об изначальности материнского клана не только у тлинкитов, хайда и цимшиан, но и у квакьавакв и нуу-ча-нулт, и даже у сэлишей. Между тем еще со времен Боаса [Боас 1997] не было предложено ничего лучше диффузии, чтобы объяснить странное распределение этого признака в разных частях региона: бесспорное присутствие матрилинейности, родов и фратрий на севере, каких-то смешанных форм в центральной части и, наоборот, патрилинейности и безродовой организации — на юге.

Главные же тезисы, как теперь выражаются, квалификационной работы состояли в следующем: вслед за классиками марксизма-ленинизма рабство на Северо-Западном побережье можно определить как патриархальное или домашнее. Оно было наследственным, составляло уже особый уклад, но, в отличие от античного и плантационного, не сделало еще рабов основной производительной силой и, что уникально, сложилось на базе рыболовства, а не земледелия и скотоводства.

Поначалу американские антропологи обратили внимание на «Рабство». Крупнейший на тот момент специалист по языкам и культурам южной части региона Мелвилл Джэкобс посчитал нужным упомянуть «краткое исследование рабства на побережье, появившееся по-русски» (публикацию Аверкиевой 1935 г. [Jacobs 1941: 87]). Брошюру 1941 г. перевели (некий Дж.Р. Элиот) и дважды издали по-английски [Averkieva 1957; 1966]. В рецензии, подготовленной еще на русскоязычный текст, идеологические штампы советской исследовательницы сдержанно назывались «специфическими доктринами» [Preston 1945: 613]. Рецензент В.Д. Престон из Университета Пенсильвании (лингвист и фольклорист, знаток языков от сенека и алеутского до русского и тюркских) отметил, что если бы у этнографов СССР впредь сохранялась возможность «непосредственного исследования» (first-hand study) своего предмета, как это было у Аверкиевой в 1930–1931 гг., то «между двумя нациями можно было бы наладить взаимовыгодный научный обмен» [Ibid.].

На деле такого шанса долго еще не представится, поэтому советская этнография будет безудержно нестись в иную, чем мировая наука, сторону. Применительно к теоретизации неравенства у сообществ Северо-Запада это выльется в то, что целое поколение российских «этноамериканистов» (если прибегать к языку Юлии Павловны), не имея возможности выезжать в поле, вынужденно будет довольствоваться книжной критикой. Научная жизнь ее самой стала мнимым диалогом с «буржуазными» учеными, у которых она заимствовала и материал, и отдельные теоретические положения, не противоречившие ее канону.

Райл и дискуссия о неравенстве

В 1960–1970-е гг. между этнографами СССР и их западными коллегами стали проводиться научные дискуссии в ходе сессий Международного конгресса антропологических и этнографических наук (МКАЭН), особенно московской и чикагской, а затем на страницах “Current Anthropology”. Резонанс вызвала работа о рабстве, излишках и стратификации на Северо-Западном побережье, принадлежавшая независимому марксисту Ю. Райлу, одному из докладчиков в Чикаго. Он выступил против «новой ортодоксальной интерпретации», как он окрестил возобладавшие к тому времени три постулата: 1) у населения региона были ранги, но не общественные классы; 2) рабство существовало, но было не вполне настоящим — рабы не имели экономического значения и не являлись частью общества; 3) система рангов, как и индивидуальное стремление к престижу в потлачах, выполняла функцию адаптации местных индейцев к окружающей среде.

Аверкиева придерживалась ровно той же позиции, что и Райл, однако он не ссылался ни на одну из ее работ, а возможно, и не знал их. В плане профессиональной генеалогии этот антрополог тоже рассуждал вполне по-советски, выводя «ортодоксию» из “Patterns of Culture” Р. Бенедикт, очевидно, произвольно, а отцом-основателем антропологии в США (the father of American anthropology) считал Л.Г. Моргана, а не «папу Франца» [Ruyle 1973: 603, 628].

Юлия Павловна откликнулась коротким формальным текстом, в котором заявляла, что почти со всем согласна. Она повторила свои идеи про формирование классов (начинавшееся, по ее мнению, в этой части аборигенной Америки) и привела их ленинское определение, осудила Кодер за то, что та «ищет признаки классов в области идеологической», а не материальной, и в отношении Райла подчеркнула: «Мои расхождения с автором связаны с его попыткой, и на мой взгляд неудачной, облечь

ясные исходные положения в энергетическую терминологию» [НА ИЭА. Ф. 16. Ед. хр. 955]. Библиографический список включал три пункта: «Рабство» и «Разложение родовой общины» самой рецензентки и Полное собрание сочинений Ленина.

Отзыв, возможно, из-за бессодержательности, не был напечатан в “Current Anthropology”, хотя Райл читал его, поскольку поблагодарил советскую исследовательницу, выражая признательность всем, кто проявил участие на стадии инициированного редакцией обсуждения его проблемной статьи. Через год в том же чикагском журнале появилась полемическая заметка «Об обществе на Северо-Западном побережье» (1974), в которой Ю.И. Семенов пытался еще раз указать Райлу, что все теоретические рассуждения того о классовом образовании в регионе гораздо лучше сформулированы историческим материализмом и марксистской политической экономией. Семенов опирался на те же две книги Юлии Павловны как бесспорные достижения советских ученых. Его разногласия с Райлом относительно природы неравенства на побережье сводились к нюансам. Советскому марксисту важно было подчеркнуть, что речь идет не о сформированных классах, а о «классах, которые только начинают формироваться» (чтобы ни в коем случае не перескочить в другую общественную формацию), и призвать американского соратника не рассматривать сферу эксплуатации отдельно от сферы производства [Semenov 1974].

Райл парировал, что все гораздо сложнее: можно видеть в отношениях эксплуатации просто подсистему производственных отношений, однако существуют веские причины против этого. Во-первых, известны формы эксплуатации, которые не связаны с производством — данничество и постоянные грабежи, широко представленные как раз на побережье, по крайней мере в некоторых районах. Во-вторых, даже там, где производственные отношения и эксплуатация взаимопроникают, полезно проводить их различие эвристически, поскольку производство приносит пользу всему обществу, а эксплуатация — только правящему классу. Более того, производство имеет дело с пассивными природными объектами, а эксплуатация воздействует на людей, которые активно ей сопротивляются. «Следовательно, именно эксплуатация, а не производство, порождает классовую борьбу» [Ruyle 1974: 200–201].

Семенов не мог согласиться и с термодинамической метафорой, в которой видел неудачно обозначенное, но давно знакомое понятие труда. Райл соглашался, что его «этноэнергетика», в сущности, действительно то же, что и трудовая теория стоимости, в рамках которой стоимость — это воплощенный в товаре общественно необходимый труд, иными словами, «человеческая

энергия» (один из ключевых терминов, который, наряду с «государством-церковью», он позаимствовал у Л. Уайта, очевидно, чтобы подчеркнуть преемственность). «Однако трудовая теория стоимости не может быть применена к докапиталистическим формациям, где потребительские ценности не принимают форму товаров» [Semenov 1974]. Выкладки Райла — это попытка обобщить марксистские рассуждения о стоимости до уровня, операционального при анализе как докапиталистических, так и некапиталистических обществ.

В то же самое время на Западе ревизионизм Райла был встречен едва ли не с большим вниманием. Люди, лучше знавшие поле, делились деталями, незнакомыми автору. Арнольд Сио обратил внимание на интересный факт, свидетельствовавший в пользу былой масштабности и глубоких корней рабовладения в этой части Америки: на Плато и в Северной Калифорнии, где рабов не держали, все равно устраивали рейды с целью их захвата, чтобы потом продать чинук на главном рабском рынке в Даллесе на реке Колумбия, либо даже везли их в Форт-Симпсон — к цимшиан. Более того, в некоторых группах рабы отличались физически: в одних им уплощали голову, в других вытягивали головы свободным [Ruyle 1973: 622]. Вероятно, это делалось, чтобы визуально подчеркнуть более низкий статус рабов.

Джона Эдамса, работавшего вместе с женой Элис Казакофф среди гитксан, убедили аргументы об экономической важности рабов и необходимости выделять не только ранги, но и классы. Но полевые данные этой пары не позволяли видеть в последних менделевские популяции (с общим пулом генов), как делал это Райл. По крайней мере, у гитксан к членам вождеского сословия (*stratum*) причисляли даже тех, у кого вождем в роду был лишь дед. Побочные ветви знатных линиджей со временем растворялись в простых, в то время как вымершие основные линии заменялись простолюдинами, которых «продвигали» другие вожди, чтобы заполнить образовавшиеся вакансии, из-за отсутствия обычая перераспределять ресурсы в случае смерти их владельца. Так что социальные слои или классы генетически не должны были у них различаться [Ruyle 1973: 618]. Удивительно, но биологизаторства Райла не заметил Семенов.

Райлу возражали те, кто имел дело с более южными группами. Уильям Элмендорф, еще один ученик М. Джэкобса, подчеркивал, что у береговых сэлишей женщины и мужчины из семей с высоким статусом были, наоборот, вовлечены в производство, не как у квакиутль и нутка. Методологически он видел просчеты Райла в игнорировании внутрирегиональных различий. Даже если принять предложенную последним модель за базовую, т.е. соответствующую предконтактному времени, то серия

последующих изменений, действовавших повсюду с разной скоростью, должна была привести к различным результатам. А для этого марксистское объяснение ничем не лучше этноисторического [Ruyle 1973: 619–620].

То же вырисовывалось по материалам, которыми располагал У. Саттлс: невозможно утверждать, что высший класс у сэлишей лишь правил, а низший занимался одним только производством. Кроме того, этот антрополог, как отмечалось выше, предложил собственную концепцию потлача. И, как Райл дал понять в ответном слове, именно последняя послужила для него своего рода детонатором: «Мой интерес к этой теме был вызван беспокойством, которое я испытывал, читая Саттлса (1960) и пытаюсь выяснить, какие виды причинных механизмов лежат в основе такой системы, если она действительно существует» [Ruyle 1973: 624].

Саттлс исходил из того, что на Северо-Западном побережье известен по крайней мере один случай голода (зимой 1793/1794 г. в заливе Нутка) и обнаруживались колебания в доступности ресурсов: северяне в сравнении с береговыми сэлишами использовали в пищу меньшее число видов растений и животных, добывая их в меньшем количестве мест и на протяжении более короткого времени в году, но зато в большей концентрации. Система, в которой важную роль играл потлач, по его мнению, могла до некоторой степени компенсировать изменчивость окружающей среды, перераспределяя ресурсы среди участвующих групп и тем самым минимизируя опасность нехватки пищи [Ruyle 1973: 622–623].

Райл перевел спор в иное русло: система в понимании Саттлса подобна самостоятельному объекту с собственными потребностями и средствами их удовлетворения. В действительности же перед нами не более чем множество действующих субъектов, занятых достижением своих целей в конкретной среде, что должна учитывать всякая интерпретация. Далее, система предполагает существование локальных групп, более или менее эквивалентных, обменивавшихся излишками продуктов питания на ценности и ценностями на престиж, дабы уравнивать потребление пищи на межгрупповом уровне. Однако, чтобы такая модель заработала, различия в производительности труда обязательно должны носить временный характер. В противном случае группы со стабильным перепроизводством приобретут устойчивые излишки богатства и престижа, т.е. преимущества, нужные для привлечения большего населения, укрепления армии и в итоге доминирования над более слабыми группами из менее продуктивных районов. Поэтому признание Саттлсом долговременных региональных различий неминуемо разрушает

стабильность его собственных построений. Эмоционально отреагировав на еще одно утверждение Саттлса — о том, что классы, занятые в производстве, не могут прожить без пользы, приносимой господствующими классами, Райл прибег к революционной риторике:

Я категорически не согласен <...>. Возможно, рабочему классу нужны какие-то полезные функции, которые могут выполнять правители, но они могут выполняться и самими рабочими, если правящий класс позволит это. Вполне может быть, что на ранних и средних этапах развития классового общества лучшее, на что мог надеяться рабочий класс, — это заменить новых правителей на старых, но это не так сегодня, в завершающую эпоху классового общества [Ruyle 1973: 628–629].

Важно, что идеологическая критика звучала не только из советского, но и из противоположного лагеря. Против «конспирологической школы» автора обсуждаемой статьи, выступил, хоть и прикрываясь легкой иронией, Гарольд Шнайдер — крупный экономический антрополог из Университета Индианы, остававшийся на формалистских позициях: с точки зрения формализма эксплуататор — просто предприниматель, чье присутствие неизбежно в любой экономической системе; стоимость труда, как и любая другая ценность в экономике, является функцией спроса на нее; классы формируются вследствие дисбаланса материальных обменов. Он обвинил Райла в искусственном притягивании марксистских понятий «класс» и «эксплуатация» к реалиям кваквашавакв.

Ему нужен эксплуатируемый низший класс, поэтому он нападает на эколого-функционалистскую позицию Саттлса-Вайды (чувствую, что весьма успешно) и объясняет ее появление «стратегией», направленной на уничтожение материалистических интерпретаций происхождения социальной стратификации. <...> На протяжении всего анализа те, кто владеет собственностью, и те, кто интерпретирует доказательства не так, как Райл, становятся заговорщиками и эксплуататорами [Ruyle 1973: 621].

Последний уклонился от скандала и сдержанно ответил, что никогда не называл «заговорщическими» и «эксплуататорскими» интерпретации, отличные от своей, и что вообще вряд ли полезно вести обсуждение в таком ключе и в таком тоне, как делает это Шнайдер [Ruyle 1973: 628]. Симпатию одинокому американскому марксисту-исследователю Северо-Запада выказал Томас Хазард из Роквилла, штат Мэриленд:

[Т]е из нас, кому удалось пережить эту своеобразную и недостаточно изученную систему эксплуатации, известную как

американский Пи-Эйч-Ди «трек» [the American PhD “track”], должны были столкнуться с тиранией запрограммированного прозелитизма. В этом я также сочувствую затруднительному положению Райла [Ruyle 1973: 621].

Конвергенция

Подобный обмен мнениями в условиях существования двухполярного мира затрагивал преимущественно верхний (методологический) уровень антропологии. Непосредственно этнография Северо-Западного побережья оставалась куда более закрытой и, как показал случай Райла, крайне настороженно встретила «успехи советской науки». Тот же А. Сно удивлялся, что даже спустя 75 лет после Боаса все еще сохранялся консенсус о том, что рабство не имело здесь экономического значения [Ruyle 1973: 622]. А другой активный участник дискуссии Дж. Эдамс в итоге присоединился к тем, кто по-прежнему считал «рабовладельческое общество» и «рабовладельческую экономику» разными вещами. Он увеличил список сомнений относительно классового (и предгосударственного) характера доколониальных сообществ в регионе, предложив описывать их как «олигархию вождей со своими клиентами» [Adams 1981: 370, 385]: в отличие от вождества, лидер при ней обладает контролем не только над своим ближайшим окружением. Майкл Харкин, уже наш современник, констатировал, что «на Северо-Западном побережье марксизм был относительно менее влиятелен, чем где-либо еще» [Harkin 1996: 8].

Вопрос заключается в том, в какой мере «табу» на изучение неравенства под марксистским углом зрения объясняется особенным консерватизмом специфической отрасли североамериканской антропологии, которая, будучи настоящей вотчиной Боаса, больше, чем какая-либо другая, унаследовала его недоверие к эволюции и строгую установку на эмпиризм. Или все сводится к воздействию внешних обстоятельств? В частности, левые профессора в эпоху маккартизма стали жертвой «охоты на ведьм». В 1949 г. Городской колледж Нью-Йорка отказался продлить контракт М. Сводешу, привлечшему внимание Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности по причине членства в компартии и участия в кампании против казни советских шпионов Юлиуса и Этель Розенбергов. Нуу-ча-нулт, у которых этот сэпировский ученик собирал свой полевой материал, параллельно обучая их грамоте на родном языке, выступили с заявлением в поддержку ученого. Письмо, написанное на нуу-ча-нулт, начиналось словами “iih-atlitin yaa-ak’at thlim’aqsti qwa’maaquin t’aqsap-ath qwi-yiqin hashiichitl ani ah-aa hawii-ap’atqa Professor Morris Swadesh” («все из нас,

народа атов, очень расстроились, услышав, что профессора Морриса Сводеша уволили»). Далее шли напоминания о многочисленных бедах, постигших коренное население, и излагалась суть требования.

Эспир и Сводеш относились к нам с уважением и уважали наши традиции. Люди, которые плохо обращались с нами и издевались над нами, добились большего престижа и богатства. Почему же тогда должен страдать Моррис Сводеш?

Увольнение нашего истинного друга причинило нам вред. Также мы знаем, что его заставили страдать по той же причине, что и нас, индейцев. Должно быть потому, что он из «народа джуу» [Juu-ath 'евреев']. Еще, должно быть, потому что он уважал «народ ниигруу» [Niigruu-athu 'негров'] и другие народы в Нью-Йорке, как уважал нас.

Поэтому мы протестуем против действий, вредящих Моррису Сводешу, и призываем всех, кто верит в справедливость, присоединиться к нам и потребовать его возвращения на прежнюю должность [Powell 1995: 661–662].

Сводеш обратился за помощью в исполнительный совет Американской антропологической ассоциации, но поддержки не получил. Одним из мотивов отказа действительно мог быть антисемитизм [Powell 1995: 663]. Еще через несколько лет в поисках работы Сводеш вынужден был перебраться в Мексику, где умер в возрасте 58 лет.

За год до истории со Сводешем перед Комиссией по антиамериканской деятельности законодательства штата Вашингтон предстал как коммунист М. Джэкобс, однако ему удалось сохранить работу в университете [Thompson 1978: 642–643]. Л. Уайт оказался в ситуации конфликта между левачеством университетского кампуса и антикоммунизмом истеблишмента [Кузнецов 2018б, 2: 204–229].

Что касается Аверкиевой, которую Харкин называет «догматической коммунисткой», а ее подход «палеоэволюционным», то никакая из ее идей не была востребована в Северной Америке. Авторитет «этноамериканистки» признавали лишь в СССР и странах соцлагеря — Венгрии, Чехословакии, на Кубе. Она приезжала в Чикаго на МКАЭН (1973), специально созданный Солом Тэксом, чтобы проиллюстрировать разнообразие экзотических проявлений антропологии в национальных изводах, получала корреспонденцию от “Current Anthropology”, однако ни разу не попала на собрания Американской антропологической ассоциации и лишь однажды отправила свой доклад на Международный конгресс американистов — в 1958 г., в Коста-Рику [НА ИЭА. Ф. 16. Ед. хр. 48]. Однако Аверкиева тесно сотрудничала

с Международной социологической ассоциацией, ездила на ее форумы, став даже вице-президентом комитета по этническим и расовым отношениям и положению меньшинств [Нитобург 2003: 421], что показательно, если вспомнить о сложных генеалогических связях социологии с антропологией. При всей близости между обеими науками ими до сих пор не изжиты барьеры на уровне как институций, так и личностей.

И все-таки теоретизация неравенства у северо-западных индейцев при исходной непримиримости позиций способна была привести к устраивавшим всех результатам. В итоге рассуждения главной советской специалистки оказались проницаемы для влияния со стороны коллег из Северной Америки. Так, Аверкиева усвоила идею Мэриан Смит, которая настаивала на благотворном воздействии на квакваквавакв раннего контактного периода, принесшего новые технологии, прежде всего железо, и даже вызвавшего у них расцвет в экономике и культуре («достигнутый благодаря европейской торговле шкурками морской выдры» [Smith 1956: 283–284]), в отличие от последующего колониализма, наоборот, все разрушившего [Аверкиева 1961: 49].

В работе, специально посвященной указанной теме, Аверкиева попробовала объяснить это в марксистском духе. По ее логике, на первых порах колониализм ускорил расслоение, в регионе появилось наследственное рабство, утвердились раннеклассовые отношения, что, безусловно, должно было означать прогресс. Но на позднем этапе капиталистическая эксплуатация превратила коренное население, у которого отобрали земли и ресурсы, в эксплуатируемых наемных рабочих на рыбозаводах и консервных фабриках. Получалось, что кредитные отношения, давно и хорошо знакомые, столкнулись на Северо-Западе с рынком, привнесенным европейцами, и рыночные отношения стали главной угрозой для хрупкой индейской экономики. Наступление эпохи несправедливости связывалось с продажей Аляски американцам [Аверкиева 1968: 69].

В 1970-е гг. вывод о всеразрушающем капитализме, перемалывающем не только местные хозяйственные уклады, но и основанные на традициях социальные институты внутри индейских сообществ, чрезвычайно помогал исследовательнице повсюду «находить» пережитки явлений, которые подтверждали бы правоту Моргана-Энгельса. Параллельно примерно то же делали левоориентированные ученые США, в том числе Ликок и Хикерсон, будучи заняты опровержением тезиса боасовцев об изначальном отсутствии родового устройства у многих племен Северо-Востока.

Пожалуй, высшим проявлением тенденции на сближение стала реализация советско-американского проекта по изданию сборника «Североамериканские индейцы в исторической перспективе», задуманного еще на московском МКАЭН. И, как написано в одной из американских рецензий, «весьма интересным примечанием является тот факт, что генезис идеи восходит к паре советских ученых» [Cash 1972: 89]. В эту пару входили Ю.П. Аверкиева и И.А. Золотаревская, не увидевшая итоговой публикации.

Книга вышла в двух отличавшихся по составу версиях, англо- и русскоязычной [Leacock, Lurie 1971; Аверкиева 1978], а ее авторский коллектив объединил антропологов, близких к этноисторическому направлению. Существенно, что заметную группу среди них составили симпатизирующие левым и даже те, кто сами пострадали четверть века назад. Это Марвин Оплер, несколько раз подпадавший под расследование ФБР, и Джин Уэлтфиш, которую дважды, в 1952 и 1953 гг., вызывали в соответствующую сенатскую комиссию, изгнали из Колумбийского университета и включили в «черный список», на восемь лет лишив возможности преподавать [Niehaus 2006: 90–91; Кузнецов 2018б, 2: 226–227].

«Особенно впечатляющим является эссе Т.Дж. Брассера о прибрежных алгонкинах, равно как и работа об индейцах-тлинкитах Юлии Аверкиевой из СССР, — продолжал свой разбор автор упомянутой рецензии. — Остальные хороши почти так же. С другой стороны, эссе Джин Уэлтфиш об индейцах равнин скорее неоднородное и неорганизованное. Некоторые известные ученые, такие как Эдуард Дозьер и Д'Арси Мак-Никл [в русскую версию его главу не включили. — И.К.], компетентно выполняют обычную для себя работу» [Cash 1972: 89]. Несомненно, что взаимопониманию между всеми авторами способствовал общий дрейф Юлии Павловны в этноисторию.

Очерк «Тлинкиты» почти слово в слово она поместила в свою обобщающую книгу «Индейцы Северной Америки», вышедшую раньше, чем был опубликован перевод упомянутого сборника [Аверкиева 1974: 134–170]. Таким образом, начав когда-то с изучения кваквявакв, Аверкиева закончила тлинкитами Русской Америки. Смена объекта исследования, вероятно, тоже была продиктована необходимостью компромисса. Во-первых, больше не надо было доказывать недоказуемое — моргановско-энгельсовское видение эволюции социального устройства. Как мы помним, матрилинейные кланы и так сохраняются у тлинкитов, в отличие от кваквявакв. Во-вторых, в результате такого шага дефицит полевых данных, привезенных ею из Форт-Руперта, компенсировался возможностью использования новых исторических источников.

В диссертации Аверкиевой историзм был еще неотрефлексированным приемом, и начинающий автор не видела большой разницы между историческими документами и оказавшимися под рукой научными текстами ее коллег, написанными на полевых материалах. Например, в число «этнографов» (Э. Сэпир, Дж. Эммонс, Э. Гантер и др.), включив в их список также боасовских информантов, или, лучше, сотрудников по полю (Джеймс Тейт и Генри Тейт), она поместила адмирала Ниблэка, а описание «Береговые индейцы южной Аляски и северной Британской Колумбии», выполненное им для Бюро американской этнологии, попало вообще в разряд научных монографий. Не разобравшись с именем и титулатурой, она ошибочно называла автора “E. Niblack” (возможно, от *Ensign* ‘прапорщик, лейтенант’, ср.: *Ensign Albert P. Niblack, U. S. Navy*) [Аверкиева 1941: 13–14, 101]. В дальнейшем, однако, сочинение Альберта Ниблэка, всю жизнь неизменно ею цитировавшееся, займет подобающее место среди «источников».

По мере углубления в изучение тлинкитского случая исследовательница постепенно осознала самостоятельную ценность письменных свидетельств контактного (колониального) времени, превратившего коренных американцев из «народов без истории» в часть нового, глобального, мира. Если раньше считалось, что с традицией устраивать потлачи первым из белых столкнулся немецкий географ Аурелий Краузе, побывавший в 1881–1882 гг. у тлинкитов Клукуана (Tlakw.aan), то Аверкиева отодвинула это знакомство еще на полвека назад (1827), ко времени находившегося на русской службе Ф.П. Литке (Фридриха Лютке) [Аверкиева 1960: 48]. Вообще же исследовательница считала своим достижением введение в научный оборот русской историографии досуантоновского периода.

Казалось, все закончилось в 1980-е гг. с уходом исследовательницы из жизни, и уже следующее поколение этнографов, выросших в СССР, если и продолжало изучение Северо-Западного побережья, то имело совершенно другие точки отсчета. Например, С. Кан вовсе не упоминает материалистических публикаций Аверкиевой, предлагая в своих трудах на тлинкитскую тему “a more holistic interpretation” [Kan 1986: 194], и лишь в специально посвященной ей статье, написанной в жанре истории науки, констатирует, что ее «работа не может считаться значительным вкладом в американистику, а потому не представляет сегодня большой ценности для специалистов в этой области» [Kan 2018: 74]. То же касается русских источников, на которые Аверкиева впервые обратила внимание. Насколько можно судить, они так и остаются по большей части непереведенными и неизвестными большинству работавших на побережье англоязычных антропологов.

Парадоксально, но эффект от кратковременной интервенции марксистской этнографии начал сказываться на изучении тихоокеанского Северо-Запада в основном уже после распада СССР. Сошла на нет острота противостояния двух блоков, и то, что делали советские ученые и их редкие отчаянные сторонники на Западе, для большинства перестало служить жупелом или примером того, как нельзя подходить к исследованию.

Джеймс Мак-Дональд, изучающий цимшиан, во многом повторяет выводы Смит-Аверкиевой о двухэтапном вовлечении индейских экономик региона в глобальный рынок, но в ногу со временем вписывает этот процесс в широкий контекст мир-системных отношений: общее благотворное влияние, выразившееся у них в росте товарной экономики, в конце концов сменяется установлением гегемонии капиталистической общественной формации над большинством ресурсов, технологий и рабочей силы, некогда отнятых у аборигенных сообществ. Поворотным моментом в описанном сдвиге стал голод середины XIX в. среди британских рабочих, которые сами страдали от обесценивания своего труда и коммодификации во время промышленной революции. Возникшая проблема вызвала спрос на дешевые источники пищи, и заморская колония (Британская Колумбия) помогла частично ее решить (как и Аргентина, поставлявшая солонину). Это стимулировало развитие консервной промышленности на землях цимшиан, открыв для их ресурсов огромный имперский рынок, но также стремительно привело к сокращению запасов тихоокеанских видов лосося, как и к возрастанию роли государства, а закончилось отношениями, характерными для слаборазвитого (*underdeveloped*) мира [McDonald 1994].

В рядах тех, кто признает наличие классов в местных аборигенных сообществах и экономическое значение рабства, находится археолог Кеннет Эймс, ведущий раскопки в различных частях побережья. Согласно его данным, появление элит, по крайней мере на севере, датируется не позднее 1850 г. до н.э., на что указывает обнаружение в погребениях характерных лабреток-колюжек — маркеров знатного происхождения у тлинкитов и хайда. Время перехода региона к рабовладению до сих пор не установлено, но ясно, что положение рабов здесь характеризовалось следующими чертами: во-первых, рабовладельцы могли убивать и продавать их; во-вторых, вожди использовали рабов, чтобы укрепить свои позиции; в-третьих, рабы вне зависимости от пола делали как мужскую, так и женскую работу; в-четвертых, они выполняли задачи, которые считались трудными или неподобающими (перевозили воду, собирали дрова и пр.). Важно, что рабы были единственным трудовым ресурсом, находившимся в руках знати [Ames 2001: 3–4, 7]. Собранное Эймсом

вроде бы действительно противоречит «долго поддерживаемому антропологами взгляду, что экономики Северо-Западного побережья были какими-то “иррациональными”, тратящими важные ресурсы в погоне за престижем» [Ames 2008: 155].

Как видно, марксизм получил что-то вроде амнистии. И это отразилось не только на возобновлении внимания к ограниченному набору тем, включая неравенство и классы. Другое следствие — интеграция, постепенное вхождение в обиход соответствующего, партийного, языка. Билл Энджелбек и Колин Грайер виртуозно используют анархистскую риторику М. Бакунина, чтобы объяснить особенности исторического развития, возможно, в самом выбивающемся районе побережья — на юге, у береговых сэлишей. Еще Саттлс называл их обществом «перевернутой груши», в котором большинство составляли не рабы и даже не простолюдины, а представители высшего класса [Suttles 1958: 499–500]. По археологическим данным, знать выделилась в этой группе еще в 3500–2400 гг. до наст. вр. (появились костяки со следами характерной трансформации черепов), а с 1000 г. до наст. вр. стала все сильнее доминировать численно («долихокефальные» находки начали превалировать), и такими исторические сэлиши вступили в век колонизации [Angelbeck, Grier 2012: 557–559]. Однако их лидеры, как и вообще элиты на побережье, даже имея в своем арсенале множество внешних атрибутов величия, уступали обладавшим консолидированной властью над значительными территориями вождям классического типа в понимании Салинса, Сервиса и др.

Отсутствие политической сложности при наличии социальной объясняется для Энджелбека и Грайера долговременным сопротивлением процессу централизации власти, что, по их мнению, и составляет суть анархизма. Они исходят также из давно циркулирующего среди антропологов представления о том, что эгалитаризм не является естественным состоянием, унаследованным от «первобытного коммунизма», а должен постоянно поддерживаться через особые практики ограничений, например запреты на накопление, контроль над материальными излишками и попытки смягчить поведение, нарушающее экономические основы. Вожди кваквэвакв и прочих прибрежных групп, по-видимому, прямо противодействовали механизмам такого выравнивания, уничтожая на показ свое имущество в ходе потлачей соперничества.

Наметилась даже тенденция усматривать «упорядоченную анархию» (*orderly anarchy*) в типе обществ индейцев Калифорнии, пределом политической сложности которых, за возможными исключениями чумаш, йокатс и габриэлино, был так называемый трайблет (*tribelet*) — стабильная локальная группа

вокруг центрального поселения с относительно высокой плотностью, но еще мелкомасштабная. Таким же, по-видимому, было и шононоязычное население Большого Бассейна, находившееся в эволюционном отношении на уровне семейных групп, подчас с нулевой политической организацией (аномией) [Bettinger 2015: 12–28, 223 et al.]. Их запутанную динамику больше не способен объяснить марксизм, ставший еще одной государственно-центричной теорией, несмотря на изначальные призывы покончить с государством, — убеждены антропологи, увлеченные научным анархизмом.

Список сокращений

МАЭ — Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

МКАЭН — Международный конгресс антропологических и этнологических наук

НА ИЭА — Научный архив Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

BAAS — British Association for the Advancement of Science

Архивные материалы

НА ИЭА. Ф. 16. Ед. хр. 48. Доклад Ю.П. Аверкиевой «Потлач» на XXXIII Международном конгрессе американистов в Коста-Рике. 1958 г.

НА ИЭА. Ф. 16. Ед. хр. 955. Отзыв Ю.П. Аверкиевой на рукопись работы Е.Е. Райля «Рабство, прибавочная стоимость и стратификация на Северо-Западном побережье: этно-энергетическая интерпретация начальной системы стратификации». 1973 г.

[JA/FB] Boas Papers Collection, American Philosophical Society. Julia Averkieva to Franz Boas. 1931–1934.

Библиография

Аверкиева Ю.П. Рабство у индейцев Северной Америки. М.; Л.: АН СССР, 1941. 103 с.

Аверкиева Ю.П. Из истории общественного строя индейцев северо-западного побережья Северной Америки (род и потлач у тлинкитов, хайда и цимшиан к середине XIX в.) // Американский этнографический сборник I. М.: АН СССР, 1960. С. 5–126. (Труды Института этнографии. Т. 58).

Аверкиева Ю.П. Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки. М.: АН СССР, 1961. 272 с. (Труды Института этнографии. Т. 70).

Аверкиева Ю.П. Изменения в экономике и социальной жизни индейцев Северной Америки под воздействием колонизации // Советская этнография. 1968. № 1. С. 56–70.

- Аверкиева Ю.П.* Индейцы Северной Америки: от родового общества к классовому. М.: Наука, 1974. 348 с.
- Аверкиева Ю.П.* Из экспедиционных материалов по индейцам квакиютль / Предисл., подгот. и примеч. С.А. Корсуна // Березкин Ю.Е. (отв. ред.). Аборигены Америки: предметы и представления. СПб.: МАЭ РАН, 2005. С. 301–323. (Сборник МАЭ. Т. 50).
- Боас Ф.* Эволюция или диффузия? / Пер. с англ. Ю.С. Терентьева // Левит С.Я. (сост.). Антология исследований культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. Т. 1: Интерпретация культуры. С. 343–347.
- Кан С.А.* Юлия Аверкиева и Франц Боас: взаимная симпатия и идеологические разногласия // Этнографическое обозрение. 2018. № 3. С. 70–79. doi: 10.7868/S0869541518030065.
- Кузнецов И.В.* «Последняя экспедиция» (из истории русско-американского сотрудничества в изучении коренных малочисленных народов) // Этнографическое обозрение. 2018а. № 3. С. 53–69. doi: 10.7868/S0869541518030053.
- Кузнецов И.В.* «Счет зим»: вымирание коренных американцев и «антропология спасения»: В 3 т. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018б. Т. 2. 346 с.; Т. 3. 386 с.
- Мосс М.* Опыт о даре // Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии / Пер. с фр., предисл., вступит. ст. и коммент. А.Б. Гофмана. М.: КДУ, 2011. С. 134–285.
- Нитобург Э.Л.* Ю.П. Петрова-Аверкиева: ученый и человек // Тумаркин Д.Д. (сост., отв. ред.). Репрессированные этнографы. М.: Вост. лит., 2003. Вып. 2. С. 399–428.
- Adams J.W.* Recent Ethnology of the Northwest Coast // Annual Review of Anthropology. 1981. Vol. 10. P. 361–392. doi: 10.1146/annurev.an.10.100181.002045.
- Ames K.M.* Slaves, Chiefs and Labour on the Northern Northwest Coast // World Archaeology. 2001. Vol. 33. No. 1. P. 1–17. doi: 10.1080/00438240120047591.
- Ames K.M.* Slavery, Household Production, and Demography on the Southern Northwest Coast: Cables, Tacking, and Ropewalking // Cameron C.M. (ed.). Invisible Citizens: Captives and Their Consequences. Salt Lake City, UT: University of Utah Press, 2008. P. 138–158.
- Angelbeck B., Grier C.* Anarchism and the Archaeology of Anarchic Societies: Resistance to Centralization in the Coast Salish Region of the Pacific Northwest Coast // Current Anthropology. 2012. Vol. 53. No. 5. P. 547–587. doi: 10.1086/667621.
- Averkiewa J.* Slavery among the Indians of North America / Transl. by G.R. Eliot. Victoria, B.C.: Victoria College, 1957. 138 p.
- Averkiewa J.* Slavery among the Indians of North America / Transl. by G.R. Eliot. 2nd rev. ed. Victoria, B.C.: Victoria College, 1966. 138 p.
- Benedict R.F.* Patterns of Culture. L.: Routledge; Kegan Paul, 1935. XI+211 p.
- Bettinger R.L.* Orderly Anarchy: Sociopolitical Evolution in Aboriginal California. Berkeley, CA: University of California Press, 2015. 312 p.
- Blackman M.B.* Ethnohistoric Changes in the Haida Potlatch Complex // Arctic Anthropology. 1977. Vol. 14. No. 1. P. 39–53.

- Boas F.* Notes on the Snanaimuq // *American Anthropologist*. 1889. Vol. 2. No. 4. P. 321–328.
- Boas F.* Summary of the Work of the Committee in British Columbia // Report of the Sixty-Eighth Meeting of the British Association for the Advancement of Science Held at Bristol in September 1898. L.: John Murray, 1899. P. 667–682.
- Bracken Ch.* The Potlatch Papers: A Colonial Case History. Chicago: University of Chicago Press, 1997. 283 p.
- Cash J.H.* [Review on] North American Indians in Historical Perspective, edited by Eleanor B. Leacock and Nancy O. Lurie // *The Florida Historical Quarterly*. 1972. Vol. 51. No. 1. P. 89–90.
- Codere H.* Fighting with Property: A Study of Kwakiutl Potlatching and Warfare, 1792–1930. Seattle; L.: University of Washington Press, 1950. VIII+136 p. (Monographs of the American Ethnological Society. No. 18).
- Drucker Ph., Heizer R.* To Make My Name Good: A Re-examination of the Southern Kwakiutl Potlatch. Berkeley: University of California Press, 1967. 160 p.
- Goldman I.* The Mouth of Heaven: An Introduction to Kwakiutl Religious Thought. N.Y.: Wiley, 1975. XVI+265 p.
- Harkin M.* Past Presence: Conceptions of History in Northwest Coast Studies // *Arctic Anthropology*. 1996. Vol. 33. No. 2. P. 1–15.
- Holm B.* Traditional and Contemporary Kwakiutl Winter Dance // *Arctic Anthropology*. 1977. Vol. 14. No. 1. P. 5–24.
- Jacobs M.* A Survey of Pacific Northwest Anthropological Research 1930–1940 // *The Pacific Northwest Quarterly*. 1941. Vol. 32. No. 1. P. 79–106.
- Jones Z.R.* “Haa Daat Akawshixit / He Wrote about Us”: Contextualizing Anthropologist John R. Swanton’s 1904 Fieldwork on the Tlingit Indians // *Alaska Journal of Anthropology*. 2017. Vol. 15. No. 1–2. P. 126–140.
- Kan S.* The 19th-Century Tlingit Potlatch: A New Perspective // *American Ethnologist*. 1986. Vol. 13. No. 2. P. 191–212. doi: 10.1525/AE.1986.13.2.02A00010.
- LaViolette F.E.* The Struggle for Survival: Indian Cultures and the Protestant Ethic in British Columbia. Toronto: University of Toronto Press, 1961. XI+201 p.
- Leacock E.B., Lurie N.O.* (eds.). North American Indians in Historical Perspective. N.Y.: Random House, 1971. XI+ 498 p.
- McDonald J.A.* Social Change and the Creation of Underdevelopment: A Northwest Coast Case // *American Ethnologist*. 1994. Vol. 21. No. 1. P. 152–175. doi: 10.1525/ae.1994.21.1.02a00080.
- Niehaus J.* Education and Democracy in the Anthropology of Gene Weltfish // Cherneff J.B.R., Hochwald E. (eds.). Visionary Observers. Anthropological Inquiry and Education. Lincoln; L.: University of Nebraska Press, 2006. P. 87–118.
- Piddocke S.* The Potlatch System of the Southern Kwakiutl: A New Perspective // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1965. Vol. 21. No. 3. P. 244–264. doi: 10.1086/soutjanth.21.3.3629231.

- Powell J.V.* (Jay). To See Ourselves as Others See Us // *American Anthropologist*. New Series. 1995. Vol. 97. No. 4. P. 661–663. doi: 10.1525/aa.1995.97.4.02a00070.
- Preston W.D.* [Review on] *Rabstvo u indeitsev severnoi Ameriki* (Slavery among the Indians of North America) by Yu.P. Averkieva // *American Anthropologist*. New Series. 1945. Vol. 47. No. 4. P. 612–613.
- Radin P.* *The Story of the American Indian*. N.Y.: Liveright Pub. Co, 1944. XIV+391 p.
- Rosman A., Rubel P.* *Feasting with Mine Enemy: Rank and Exchange among Northwest Coast Societies*. N.Y.; L.: Columbia University Press, 1971. 221 p.
- Ruyle E.E.* Slavery, Surplus, and Stratification on the Northwest Coast: The Ethnoenergetics of an Incipient Stratification System // *Current Anthropology*. 1973. Vol. 14. No. 5. P. 603–631.
- Ruyle E.E.* Reply [on “On Northwest Coast Society” by Yu.I. Semenov] // *Current Anthropology*. 1974. Vol. 15. No. 2. P. 200–201.
- Sahlins M.D.* *Cosmologies of Capitalism: The Trans-Pacific Sector of “The World System”* // Dirks N.B., Eley G., Ortner Sh.B. (eds.). *Culture / Power / History: A Reader in Contemporary Social Theory*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994. P. 412–455.
- Seguin M.* *Interpretive Contexts for Traditional and Current Coast Tsimshian Feasts*. Ottawa: National Museums of Canada, 1985. VI+114 p. (National Museum of Man Mercury Series; Canadian Ethnology Service Paper. No. 98).
- Semenov Yu.I.* On Northwest Coast Society // *Current Anthropology*. 1974. Vol. 15. No. 2. P. 200.
- Smith M.W.* The Cultural Development of the Northwest Coast // *Southwestern Journal of Anthropology*. 1956. Vol. 12. No. 3. P. 272–294.
- Snyder S.* Quest for the Sacred in Northern Puget Sound: An Interpretation of Potlatch // *Ethnology*. 1975. Vol. 14. No. 2. P. 149–161. doi: 10.2307/3773086.
- Stocking G.W., Jr.* (ed.). *A Franz Boas Reader: The Shaping of American Anthropology, 1883–1911*. Chicago; L.: University of Chicago Press, 1989. 368 p. (Ch. 12. Fieldwork for the British Association, 1888–1897. P. 88–107).
- Suttles W.* Private Knowledge, Morality, and Social Classes among the Coast Salish // *American Anthropologist*. New Series. 1958. Vol. 60. No. 3. P. 497–507. doi: 10.1525/aa.1958.60.3.02a00080.
- Suttles W.* Affinal Ties, Subsistence, and Prestige among the Coast Salish // *American Anthropologist*. New Series. 1960. Vol. 62. No. 2. P. 296–305. doi: 10.1525/aa.1960.62.2.02a00080.
- Thompson L.C.* Melville Jacobs, 1902–1971 // *American Anthropologist*. New Series. 1978. Vol. 80. No. 3. P. 640–649.
- Thornton Th.F.* *Being and Place among the Tlingit*. Seattle: University of Washington Press, 2008. XV+247 p.
- Tollefson K.D.* Potlatching and Political Organization among the Northwest Coast Indians // *Ethnology*. 1995. Vol. 34. No. 1. P. 53–73. doi: 10.2307/3773863.

Walens S. *Feasting with Cannibals: An Essay in Kwakiutl Cosmology*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981. 214 p.

Wilner J.L. A Global Potlatch: Identifying the Indigenous Influence on Western Thought // *American Indian Culture and Research Journal*. 2013. Vol. 37. No. 2. P. 87–114. doi: 10.17953/aicr.37.2.70431618hr053470.

On the Evolution of the Northwest Coast Indian Communities (A Soviet-American Discussion and Its Sequel)

Igor V. Kuznetsov

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
1 Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russia
i.kuznetsov@iling-ran.ru

The article is devoted to the discussion among Soviet and U.S. scholars about the social organization of the Indians of the Northwest Coast of North America. In the classic textbooks on “primitive history”, the Indians of this region—the Tlingit, Haida, Tsimshian and Kwakwaka’wakw (Kwakiutl)—are mentioned as examples of a high degree of social differentiation based on a (fishing and maritime) foraging economy and even as instances of pre-state structures. The proposed concepts were, to varying degrees, determined by external factors: personal political views, high-profile events, or government pressure. In 1897, Franz Boas recognized the potlatch ceremony—demonstrative exchanges of gifts and destructions of surplus, a practice exotic to Europeans—as an analogue of a credit operation. This interpretation, not empirically substantiated, originated from a public campaign to legalize potlatch. In the 1930s, Julia Averkieva, a Soviet intern of Boas, interpreted some fragments of her mentor’s teaching through the Marxist class theory framework, shifting the emphasis from potlatch to slavery: the Northwest Indians allegedly began the transition to slavery from a classless system in which the potlatch was an instrument for preserving property equality. Averkieva’s interpretation became canonical in the USSR, whilst also finding some reception outside the socialist camp. In the United States, relativistic cultural interpretations dominated; domestic evolutionary Marxist models were marginal and were not rooted in the Soviet tradition. However, after the collapse of the USSR, they also became part of the research mainstream, being criticized not only from the right, but also from the left—from anarchist viewpoints.

Keywords: North American Indians, potlatch, slavery, Marxism.

References

- Adams J. W., 'Recent Ethnology of the Northwest Coast', *Annual Review of Anthropology*, 1981, vol. 10, pp. 361–392. doi: 10.1146/annurev.an.10.100181.002045.
- Ames K. M., 'Slaves, Chiefs and Labour on the Northern Northwest Coast', *World Archaeology*, 2001, vol. 33, no. 1, pp. 1–17. doi: 10.1080/00438240120047591.
- Ames K. M., 'Slavery, Household Production, and Demography on the Southern Northwest Coast: Cables, Tacking, and Ropewalking', Cameron C. M. (ed.), *Invisible Citizens: Captives and Their Consequences*. Salt Lake City, UT: University of Utah Press, 2008, pp. 138–158.
- Angelbeck B., Grier C., 'Anarchism and the Archaeology of Anarchic Societies: Resistance to Centralization in the Coast Salish Region of the Pacific Northwest Coast', *Current Anthropology*, 2012, vol. 53, no. 5, pp. 547–587. doi: 10.1086/667621.
- Averkiewa J. P., *Rabstvo u indeytsev Severnoy Ameriki* [Slavery among the Indians of North America]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Press, 1941, 103 pp. (In Russian).
- Averkiewa J., *Slavery among the Indians of North America*, transl. by G. R. Eliot, 2nd revised ed. Victoria, B.C.: Victoria College, 1957, 138 pp.
- Averkiewa J. P., 'Iz istorii obshchestvennogo stroya indeytsev Severo-zapadnogo poberezhya Severnoy Ameriki (rod i potlach u tlinkitov, khayda i tsimshian k seredine XIX v.)' [From the History of the Social System of the Indians of the Northwest Coast of North America (Clan and Potlatch among the Tlingit, Haida and Tsimshian by the Middle of the 19th Century)], *Amerikanskiy etnograficheskiy sbornik I* [American Ethnographical Collection I]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1960, pp. 5–126. (*Trudy Instituta etnografii* [Proceedings of the Institute of Ethnography], vol. 58). (In Russian).
- Averkiewa J. P., *Razlozhenie rodovoy obshchiny i formirovanie ranneklassovykh otnosheniy v obshchestve indeytsev severo-zapadnogo poberezhya Severnoy Ameriki* [The Decomposition of the Clan and the Formation of Early Class Relations in the Society of the Indians of the Northwest Coast of North America]. Moscow: USSR Academy of Sciences Press, 1961, 272 pp. (*Trudy Instituta etnografii* [Proceedings of the Institute of Ethnography], vol. 70). (In Russian).
- Averkiewa J., *Slavery among the Indians of North America*, transl. by G. R. Eliot, 2nd revised ed. Victoria, B.C.: Victoria College, 1966, 138 pp.
- Averkiewa J. P., 'Izmeneniya v ekonomike i sotsialnoy zhizni indeytsev Severnoy Ameriki pod vozdeystviem kolonizatsii' [Changes in the Economy and Social Life of North American Indians under the Influence of Colonization], *Sovetskaya etnografiya*, 1968, no. 1, pp. 56–70. (In Russian).
- Averkiewa J. P., *Indeytsy Severnoy Ameriki: ot rodovogo obshchestva k klassovomu* [North American Indians: From Clan to Class Society]. Moscow: Nauka, 1974, 348 pp. (In Russian).
- Averkiewa J. P., 'Iz ekspeditsionnykh materialov po indeytsam kvakiyutl' [From Fieldwork Materials on the Kwakiutl Indians], foreword, preparation and notes by S. A. Korsun, Berezkin Yu. E. (ed.), *Aborigeny*

- Ameriki: predmety i predstavleniya* [Native Americans: Objects and Representations]. St Petersburg: MAE RAS Press, 2005, pp. 301–323. (*Sbornik MAE* [Collection of MAE], vol. 50). (In Russian).
- Benedict R. F., *Patterns of Culture*. London: Routledge; Kegan Paul, 1935, XI+211 pp.
- Bettinger R. L., *Orderly Anarchy: Sociopolitical Evolution in Aboriginal California*. Berkeley, CA: University of California Press, 2015, 312 pp.
- Blackman M. B., 'Ethnohistoric Changes in the Haida Potlatch Complex', *Arctic Anthropology*, 1977, vol. 14, no. 1, pp. 39–53.
- Boas F., 'Notes on the Snaaimuq', *American Anthropologist*, 1889, vol. 2, no. 4, pp. 321–328.
- Boas F., 'Summary of the Work of the Committee in British Columbia', *Report of the Sixty-Eighth Meeting of the British Association for the Advancement of Science Held at Bristol in September 1898*. London: John Murray, 1899, pp. 667–682.
- Boas F., 'Evolution or Diffusion?', *American Anthropologist*, 1924, vol. 26, no. 3, pp. 340–344.
- Bracken Ch., *The Potlatch Papers: A Colonial Case History*. Chicago: University of Chicago Press, 1997, 283 pp.
- Cash J. H., '[Review on] North American Indians in Historical Perspective, edited by Eleanor B. Leacock and Nancy O. Lurie', *The Florida Historical Quarterly*, 1972, vol. 51, no. 1, pp. 89–90.
- Codere H., *Fighting with Property: A Study of Kwakiutl Potlatching and Warfare, 1792–1930*. Seattle; London: University of Washington Press, 1950, VIII+136 pp. (*Monographs of the American Ethnological Society*, no. 18).
- Drucker Ph., Heizer R., *To Make My Name Good: A Re-examination of the Southern Kwakiutl Potlatch*. Berkeley: University of California Press, 1967, 160 pp.
- Goldman I., *The Mouth of Heaven: An Introduction to Kwakiutl Religious Thought*. New York: Wiley, 1975, XVI+265 pp.
- Harkin M., 'Past Presence: Conceptions of History in Northwest Coast Studies', *Arctic Anthropology*, 1996, vol. 33, no. 2, pp. 1–15.
- Holm B., 'Traditional and Contemporary Kwakiutl Winter Dance', *Arctic Anthropology*, 1977, vol. 14, no. 1, pp. 5–24.
- Jacobs M., 'A Survey of Pacific Northwest Anthropological Research 1930–1940', *The Pacific Northwest Quarterly*, 1941, vol. 32, no. 1, pp. 79–106.
- Jones Z. R., "'Haa Daat Akawshixit / He Wrote about Us": Contextualizing Anthropologist John R. Swanton's 1904 Fieldwork on the Tlingit Indians', *Alaska Journal of Anthropology*, 2017, vol. 15, no. 1–2, pp. 126–140.
- Kan S., 'The 19th-Century Tlingit Potlatch: A New Perspective', *American Ethnologist*, 1986, vol. 13, no. 2, pp. 191–212. doi: 10.1525/AE.1986.13.2.02A00010.
- Kan S. A., 'Yuliya Averkieva i Frants Boas: vzaimnaya simpatiya i ideologicheskie raznoglasiya' [Yulia Averkieva and Franz Boas: Mutual Affection and Ideological Disagreements], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 3, pp. 70–79. doi: 10.7868/S0869541518030065. (In Russian).

- Kuznetsov I. V., “Poslednyaya ekspeditsiya” (iz istorii russko-amerikanskogo sotrudnichestva v izuchenii korennykh malochislennykh narodov) [“Last Expedition” (From the History of US-Russian Collaboration in the Study of Indigenous Peoples)], *Etnograficheskoe obozrenie*, 2018, no. 3, pp. 53–69. doi: 10.7868/S0869541518030053. (In Russian).
- Kuznetsov I. V., “Schet zim”: vymiranie korennykh amerikantsev i “antropologiya spaseniya” [“Winter Count”: The Extinction of Native Americans and “Salvage Anthropology”], in 3 vols. Krasnodar: Kuban State University Press, 2018. (In Russian).
- LaViolette F. E., *The Struggle for Survival: Indian Cultures and the Protestant Ethic in British Columbia*. Toronto: University of Toronto Press, 1961, XI+201 pp.
- Leacock E. B., Lurie N. O. (eds.), *North American Indians in Historical Perspective*. New York: Random House, 1971, XI+ 498 pp.
- Mauss M., ‘Essai sur le don. Forme et raison de l’échange dans les sociétés archaïques’, *L’Année sociologique*, nouvelle série, 1923–1924, vol. 1, pp. 30–186.
- McDonald J. A., ‘Social Change and the Creation of Underdevelopment: A Northwest Coast Case’, *American Ethnologist*, 1994, vol. 21, no. 1, pp. 152–175. doi: 10.1525/ae.1994.21.1.02a00080.
- Niehaus J., ‘Education and Democracy in the Anthropology of Gene Weltfish’, Chernerff J. B. R., Hochwald E. (eds.), *Visionary Observers. Anthropological Inquiry and Education*. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 2006, pp. 87–118.
- Nitoburg E. L., ‘J. P. Petrova-Averkiewa: uchenyy i chelovek’ [J. P. Petrova-Averkiewa: Scholar and Human], Tumarkin D. D. (comp., ed.), *Repressirovannyye etnografy* [Repressed Ethnographers]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2003, is. 2, pp. 399–428. (In Russian).
- Piddocke S., ‘The Potlatch System of the Southern Kwakiutl: A New Perspective’, *Southwestern Journal of Anthropology*, 1965, vol. 21, no. 3, pp. 244–264. doi: 10.1086/soutjanth.21.3.3629231.
- Powell J. V. (Jay), ‘To See Ourselves as Others See Us’, *American Anthropologist*, new series, 1995, vol. 97, no. 4, pp. 661–663. doi: 10.1525/aa.1995.97.4.02a00070.
- Preston W. D., ‘[Review on] Rabstvo u indeitsev severnoi Ameriki (Slavery among the Indians of North America) by Yu.P. Averkieva’, *American Anthropologist*, new series, 1945, vol. 47, no. 4, pp. 612–613.
- Radin P., *The Story of the American Indian*. New York: Liveright Pub. Co, 1944, XIV+391 pp.
- Rosman A., Rubel P., *Feasting with Mine Enemy: Rank and Exchange among Northwest Coast Societies*. New York; London: Columbia University Press, 1971, 221 pp.
- Ruyle E. E., ‘Slavery, Surplus, and Stratification on the Northwest Coast: The Ethnoenergetics of an Incipient Stratification System’, *Current Anthropology*, 1973, vol. 14, no. 5, pp. 603–631.
- Ruyle E. E., ‘Reply [on “On Northwest Coast Society” by Yu.I. Semenov]’, *Current Anthropology*, 1974, vol. 15, no. 2, pp. 200–201.

- Sahlins M. D., 'Cosmologies of Capitalism: The Trans-Pacific Sector of "The World System"', Dirks N. B., Eley G., Ortner Sh. B. (eds.), *Culture / Power / History: A Reader in Contemporary Social Theory*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994, pp. 412–455.
- Seguin M., *Interpretive Contexts for Traditional and Current Coast Tsimshian Feasts*. Ottawa: National Museums of Canada, 1985, VI+114 pp. (*National Museum of Man Mercury Series; Canadian Ethnology Service Paper*, no. 98).
- Semenov Yu. I., 'On Northwest Coast Society', *Current Anthropology*, 1974, vol. 15, no. 2, p. 200.
- Smith M. W., 'The Cultural Development of the Northwest Coast', *Southwestern Journal of Anthropology*, 1956, vol. 12, no. 3, pp. 272–294.
- Snyder S., 'Quest for the Sacred in Northern Puget Sound: An Interpretation of Potlatch', *Ethnology*, 1975, vol. 14, no. 2, pp. 149–161. doi: 10.2307/3773086.
- Stocking G. W., Jr. (ed.), *A Franz Boas Reader: The Shaping of American Anthropology, 1883–1911*. Chicago; London: University of Chicago Press, 1989, 368 pp.
- Suttles W., 'Private Knowledge, Morality, and Social Classes among the Coast Salish', *American Anthropologist*, new series, 1958, vol. 60, no. 3, pp. 497–507. doi: 10.1525/aa.1958.60.3.02a00080.
- Suttles W., 'Affinal Ties, Subsistence, and Prestige among the Coast Salish', *American Anthropologist*, new series, 1960, vol. 62, no. 2, pp. 296–305. doi: 10.1525/aa.1960.62.2.02a00080.
- Thompson L. C., 'Melville Jacobs, 1902–1971', *American Anthropologist*, new series, 1978, vol. 80, no. 3, pp. 640–649.
- Thornton Th. F., *Being and Place among the Tlingit*. Seattle: University of Washington Press, 2008, XV+247 pp.
- Tollefson K. D., 'Potlatching and Political Organization among the Northwest Coast Indians', *Ethnology*, 1995, vol. 34, no. 1, pp. 53–73. doi: 10.2307/3773863.
- Walens S., *Feasting with Cannibals: An Essay in Kwakiutl Cosmology*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1981, 214 pp.
- Wilner I. L., 'A Global Potlatch: Identifying the Indigenous Influence on Western Thought', *American Indian Culture and Research Journal*, 2013, vol. 37, no. 2, pp. 87–114. doi: 10.17953/aicr.37.2.70431618hr053470.